

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ: РАЗМЫШЛЕНИЯ, РЕЦЕНЗИИ

ЕЛЕНА МУРАДЯН,

кандидат социологических наук, декан социологического факультета Харьковского национального университета имени В.Н.Каразина (61022, Харьков, пл. Свободы, 6)

OLENA MURADYAN,

Candidate of Sciences in Sociology, Dean of the Department of Sociology, V.N.Karazin National University of Kharkiv (6, Svobody Sq., Kharkiv, 61022)

o.s.muradyan@karazin.ua

<https://orcid.org/0000-0003-0990-9635>

АЛЕКСЕЙ МУСИЕЗДОВ,

доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Харьковско-го национального университета имени В.Н. Каразина (61022, г. Харьков, пл. Свободы, 6)

OLEKSIY MUSIYEZDOV,

Doctor of Science in Sociology, Professor at the Department of Sociology, V.N.Karazin National University of Kharkiv (6, Svobody Sq., Kharkiv, 61022)

musiyezdov@karazin.ua

<https://orcid.org/0000-0002-2929-7333>

О ценностях и об украинцах

Костенко, Н. (ред.), Ручка, А., Скокова, Л. та ін. Цінності та ціннісні зміни в сучасному суспільстві: тренди та перспективи. Київ: Інститут соціології НАН України, 2020. 358 с.

Среди остро актуальных тем социологических исследований тема ценностей остается едва ли не самой актуальной уже несколько десятилетий подряд. При этом тематика ценностей принципиально отличается от модных тем своей фундаментальностью. Нетрудно заметить — проблемы, которые всякий раз выносятся на гребень волн популярности завихрениями мировой социологической мысли, часто грешат сугубо нынешней яркостью. Чувствительность к массовой конъюнктуре, «грантонаправленность», зависимость от медийного и коммерческого спроса закономерно будут смещать взгляд исследователей к проблемному фокусу «газетных передовиц и трендов соцсетей». Безусловно, этот фокус заслуживает пристального внимания, однако не исчерпывает исследовательского поля социологии. Превалирование преходящих, поверхностных тем над всеми прочими темами угрожает

Цитирование: Мурадян, Е., Мусиездов, А. (2021). О ценностях и об украинцах. Социология: теория, методы, маркетинг, 4, 190–195.

превратить социологию в прислугу публицистики и политического блогинга, практически полностью лишая ее научной ценности.

Как видим, даже начало рецензии на монографию, посвященную исследованию ценностей, содержит следы рекурсивного использования этого понятия. Это вполне естественно для слова, объединяющего свойства строгого научного термина и повседневной общеупотребимой лексики. В этой двойственности отражены познавательные масштабы понятия «ценности»; они же, в свою очередь, обуславливают сплав устойчивой популярности с фундаментальностью.

В то же время социологическое исследование ценностей — тема, к которой нелегко подступиться: чтобы получить результат и прийти к выводу, который укладывается буквально в одну строку популярного социологического обзора или новостного сообщения, необходимо большому коллективу приложить усилия, выполнив работу продолжительностью в несколько лет. Тем более ценным (!) представляется выход из печати посвященной анализу ценностной динамики монографии, подготовленной научным коллективом, имеющим значительный багаж исследований этой тематики. Фундаментальность тематики ценностей в социологии парадоксальным образом сочетается с особой значимостью исследований их динамики: именно благодаря фундаментальности ценности выглядят «непоколебимыми» в своей монументальности, лишенными способности к изменениям. Разумеется, это иллюзия; формированию этой иллюзии содействует неочевидность ценностной динамики; и она же усложняет исследовательские задачи в этом поле. Вот почему публикации, подобные по масштабам материала рецензируемой коллективной монографии, заслуживают исключительного внимания и поддержки.

В первой главе «Ценностные трансформации в современном обществе: концептуальные константы» авторы демонстрируют весь арсенал исследовательских перспектив концепта «ценности» в социологическом познании. Интересно здесь погружение в использование предметной идентификации ценностей с позиции эстонского социолога Ю. Саарнийта, в индивидуальный социальный аспект ценностей с позиций украинского исследователя В. Оссовского, упоминание антропологов Ф. Клакгона и Ф. Стрובהка, классиков социологической компаративистики в ценностном измерении культуры — от Р. Инглхарта до Ч. Хемпден-Тернера. Все подводит к изучению новых правил игры в новых условиях — социологии оценивания и практик измерения: как именно мы визуализируем, делаем наглядными ценности? Здесь нужно отдельно поблагодарить авторов за ссылку на обзор Э. Берман и Д. Гиршмана, посвященный рецензированию 8 книг за последние годы по проблематике современного состояния социологии квантификации. Это мотивирует записать и отдельно ознакомиться с указанным трудом, поскольку вопрос «кто является ключевыми акторами в новых технологиях сбора данных?» очень часто встает перед теми, кто работает с количественными измерениями.

Глава 2 «Ценностная ментальность социума: движения и флуктуации» демонстрирует особенности динамики ценностных приоритетов украинцев в краткосрочном и долгосрочном трендах по программе «аксиомониторинг» в течение 1991–2020 годов, что было осуществлено в рамках 13 репрезентативных общенациональных опросов Институтом социологии НАН Украины. Существует ли более достоверный источник информации об исследованиях ценностей в Украине, который имел бы отмеченную выше научную ценность на сегодняшний день? Ответ очевиден.

Вновь и вновь читатели будут возвращаться к изложенному в этой главе анализу и задумываться над синдромом субдоминантных ценностей (данные 2014–

2020 годов): государственная независимость Украины, создание в обществе равных возможностей для всех, благоприятное морально-психологическое состояние в обществе, интересная работа, общественное признание, демократическое развитие страны, отсутствие значительного социального расслоения, независимость в делах, суждениях, поступках, возможность высказывать мнения по политическим и другим вопросам, не опасаясь за личную свободу (был существенно уменьшен количественно в 2020 году и включал уже только 4 первых ценности из приведенного перечня).

Особенности динамики ценностных приоритетов населения объясняются во многом механизмом акклиматизации, ведь в условиях недостаточного обеспечения возможностей для реализации ценностей их рейтинг снижается в человеческой ментальности, по мнению авторов... Над этим можно долго размышлять: работает ли такое объяснение не только для инструментальных ценностей, но и для терминальных, глубинных? Как объяснить такую сензитивность ценностей к параметру «возможности реализации»?

Исследователям и исследовательницам новых стилей жизни отдельно советуем обратить внимание на данные касательно выделения трех человеческих типов в зависимости от такого психологического фактора, как локус контроля: экстернальный (жизнь и ее события во многом объясняются зависимостью от внешних обстоятельств), интернальный (ориентация на личные качества и способности) и интернально-экстернальный типы человека. Интерналы, которые преимущественно ориентируются на ценности индивидуализации, а также на ценности публичной жизни, представляют собой сегодня наиболее активный человеческий тип. Его количественная составляющая возрастает, что дает основания авторам усматривать конструктивное влияние на развитие индивидуальной и общественной жизни в Украине. А у читателей есть стимул поразмыслить над тем, к каким изменениям это приведет в условиях затяжной пандемии.

Что касается долгосрочных ценностных трендов, то каждая декада проанализирована здесь с позиции развития украинского общества и тех событий, которые обусловили падение уровня жизни подавляющего большинства общества в первой декаде, начала экономического роста и политического обострения — во второй, и чрезвычайных событий последнего десятилетия — в третьей. В условиях нескольких экономических кризисов, глубокого социального неравенства, периодической политической напряженности, социокультурной неоднозначности (в терминологии авторов) рейтинги ценностей изменяются даже во временных рамках одной декады. Аналитически выделяются четыре ценностных синдрома: безопасность — охватывает витальные ценности; социальный комфорт — охватывает просоциальные ценности; самореализация — охватывает самореализационные ценности (саморегуляция способностей и талантов); демократия — охватывает демократические политико-гражданские ценности. В увеличении рейтинга последних усматривается создание единого демократического ценностно-смыслового фундамента общественной жизни страны. 2021 год и COVID-19, полагаем, внесут свои коррективы в весомость этих синдромов, что будет отражено в данных мониторингов. Однако траектория развития намечена: она будет зависеть от адекватной оценки рисков государственной политики и общественной коммуникации, осознания существующего расхождения в ценностных предпочтениях в разных регионах страны, что продемонстрировано сквозь призму динамики индексов значимости этих ценностных синдромов за период 2014–2020 годов.

Глава 3 «Доминантные общественные дискурсы: ценностное присутствие» подводит читателей к концептуальной модели отношений ценностей и господства в институтах власти: новый уровень солидарности, секуляризованный источник легитимации, мотивационная модель власти, «передвижение» ценностей, локальное «пространство появления» — все это авторами монографии крайне интересно представлено путем размышлений над поиском новых оснований и условий легитимации власти. Публичная сфера рассматривается как универсальная и множественная в подразделе «Ценностные импликации публичного и частного в интеллектуальных моделях и гражданских актах» глазами Г. Арендт, Ю. Хабермаса, Ш. Муффа, Дж. Батлера, Дж. Агамбена, М. Фуко и др. Гораздо больше приведенных в главе примеров возникает ассоциаций с сегодняшним днем и недавними событиями в стране. И здесь встают вопросы об ответственности медиа за возбуждаемые в общественном мнении реакции, особенно в то время, когда медиапубличная сфера структурно и сущностно меняется. Этот анализ подводит нас к новым вопросам, которые до последнего десятилетия даже не продуцировались, например: «Какой должна быть юридическая гигиена в социальных сетях?»; «Пишущий в социальных сетях — это общественный журналист?»; «Возможен ли полный контроль индустрии коммуникаций?» и т. п.

В главе 4 «Аксиосферы современных медиа» речь идет о том, каким образом ценности бытуют в украинских медиа.

Ссылаясь на идеи Ж. Бодрийяра, Ф. Джеймиссона, М. Фуко, Ж. Делеза и др., авторы пытаются описать украинскую ситуацию в терминах симуляции — что, конечно же, имеет смысл. Иллюстрируется она тем, что авторы называют «уровнем медиаскептицизма» — уровнем недоверия к украинским СМИ. Авторы показывают, что этот уровень возрос с 2013 до 2020 года. Региональное распределение показывает меньшее доверие к украинским СМИ на Донбассе и на Востоке и большее — на Западе. Это распределение весьма предсказуемо, поскольку лояльность к национальным медиа можно считать показателем лояльности к государству, который разнится по регионам. Интересно другое наблюдение — уровень доверия к СМИ в целом и к интернету снизился в 2020 году по сравнению с 2019-м: совсем не доверяли интернету 3% в 2019-м и 12% в 2020-м, полностью доверяли соответственно 10% и 2%; что касается СМИ, то доверяли или полностью доверяли им 30% в 2019 году и 18% в 2020-м. Думаем, что именно эта тенденция лучше иллюстрирует «развиртуализацию» нынешней власти, которая очевидным образом не могла оставаться в рамках созданного в 2019 году симулякра, и была вынуждена подтверждать его реальными действиями, оказавшимися далекими от ожиданий от созданного накануне выборов образа.

Особой темой последних двух лет стала тема пандемии коронавируса. Интересно, что восприятие информации, касающейся этой темы, имеет своим фоном представления о том, каким политическим игрокам принадлежат те или иные каналы коммуникации. И доверие к определенному содержанию сообщений на тему коронавируса зависит от политических предпочтений потребителей медиаконтента. Это наблюдение заслуживает дальнейших исследований и конкретизации.

Анализируя разную степень доверия к СМИ и интернету, авторы выделяют пять групп респондентов: 1) тотальные скептики (22%), 2) критики интернета и неуверенные в СМИ (13%), 3) критики СМИ и неуверенные в интернете (23%), 4) доверяющие интернету и лояльные к СМИ (15%), 5) неопределившиеся (27%). Иногда довольно трудно понять, что именно объединяет людей в такие группы — за исключением разве что группы тотальных скептиков, в которую входят преимущественно

люди в возрасте 30–55 лет с высшим образованием, живущие в относительно крупных городах (250 тыс. — 1 млн жителей). В отношении других групп ситуация не совсем понятная — вероятно, людям трудно отвечать о доверии к тому или иному типу медиа в целом, поскольку как в СМИ, так и в интернете есть каналы, которые вызывают большее доверие, а другие — меньшее, поэтому, возможно, ответы респондентов были частично ситуативными. В пользу такого предположения говорит и значительная доля неопределившихся. Потому и делать другие содержательные выводы тоже достаточно трудно. Пожалуй, это свидетельствует о необходимости развивать социологические инструменты таким образом, чтобы они могли лучше схватывать исследуемые различия.

В то же время авторы уточняют восприятие и уровень доверия к СМИ и интернету как источникам общественно-политической информации на основе фокус-групповых интервью. Результаты достаточно детально описывают факторы доверия к этим источникам, способы взаимодействия с ними (избирательность восприятия, выбор источников, ориентацию на тех, кому доверял ранее, слабое углубление в содержание и т. п.), а также осознание респондентами возможных манипуляций, которые имеют место при подаче общественно-политической информации.

Такие манипуляции и вообще способы сортировки информации в наше время очень сильно связаны с использованием технических средств отбора — алгоритмов, которые на основе определенных данных «решают», какая информация попадет в ленту новостей конкретного потребителя. И это лишь самый простой пример взаимодействия задействованных в бытовании современных медиа human и non-human агентов, которому авторы уделяют внимание в этой главе.

В работе проанализированы также характеристики пользователей социальных сетей. Ожидаемо большей является доля пользователей в младших группах, среди более образованных, в частности студентов, и среди предпринимателей, и меньшая — среди старших людей, пенсионеров, рабочих, лиц с более низким уровнем образования. Главными мотивами пользования соцсетями являются общение, получение информации о друзьях и знакомых, распространение информации о себе. Наряду с этим исследователями выявлены предпочтения пользователей относительно отдельных социальных сетей в зависимости от основной активности в сетях. В частности, те, кто обращается к социальным сетям прежде всего для общения с друзьями и знакомыми и для развлечений, чаще пользуются «Одноклассниками» и «ВКонтакте»; публичные обсуждения больше востребованы пользователями «Facebook» и «Twitter»; ориентация на потребление разного рода новостей присуща пользователям «Facebook», «Youtube» и «Instagram» (последняя сеть более популярна среди молодежи).

Глава 5 «Аксиология вовлеченности I: Культурные влияния» посвящена проявлениям ценностей в практиках — от политических до культурно-досуговых.

Авторы напоминают, что тип гражданской культуры, которая обеспечивает жизнеспособность демократических институтов, должен содержать такие составляющие понимания своей связи с обществом, как компетентность, ответственность, причастность. В постсоветском обществе, напротив, распространены патернализм, институциональное недоверие, забота о «своих» и тенденции социальной изоляции. Опираясь на исследования, авторы выделяют определенные группы по критериям гражданской активности (высокая — низкая) и вовлеченности/отчужденности от политического процесса:

- «Тотально отчужденные» (7%),
- «Болото» (16%),

- «Подданные» (40%),
- «Неравнодушные скептики» (24%),
- «Граждане» (13%).

Авторы описывают каждую из этих групп и утверждают, что, к сожалению, большинству украинского общества свойственна такая гражданская культура, которая не способствует развитию демократических институтов.

Наряду с этим авторы обращаются к идее М. Гальббакса, П. Рикера, П. Нора и др. для освещения явлений, связанных с памятью и ценностями в современном украинском обществе. В этом контексте также анализируются языковые и культурно-досуговые практики. Во всех этих случаях акцентируется ценностный фактор выбора — отвечает ли определенная «память», язык или способ досуга тем ценностям, которые разделяют люди.

В главе 6 «Аксиология вовлечения II: Ценностная парадигма дополненной реальности в искусстве» авторы подчеркивают, что тем или иным образом дополненная реальность существовала чуть ли не всегда, в частности в искусстве. Так, изображения вещей, которые не отвечают реальности (в частности, идеализированных образов лучшего общества или людей, которые должны служить примером), всегда дополняли «реальную» реальность. Интерпретации меры необходимости таких дополнений, конечно, изменялись в ходе истории, равно как изменялись и аргументы в пользу таких дополнений (условно говоря — от «общественного просвещения» до «автономии художника»). Поэтому интересен вопрос, в какой мере и какие именно ценности обуславливают определенное отношение к возможным дополнениям такого рода, а также к искусству в целом и тем или иным его разновидностям, проявлениям, отдельным произведениям и т. п. Отвечать на эти вопросы авторы пытаются, обращаясь к теоретическому осмыслению данных процессов.

Ценности являются одной из ведущих тем как научного теоретизирования, так и идеологического обоснования политического выбора. Концепт ценностей служит одним из инструментов объяснения поведения человека в обществе. И этот инструмент вообще неплохо работает. Но все чаще приходится сталкиваться с тем, что авторы называют «несогласованием ценностных приоритетов» — ситуациями, когда в определенных условиях причиной поведения могут быть такие сочетания ценностей, которые по логике не могли бы существовать (например, объединение ценностей «коммунистических» с «религиозными» или «либеральных» с «патриотическими»). Очевидно, такие ситуации требуют более точных и более чувствительных средств исследования. В качестве такого средства авторы предлагают концепцию «множественности ценностных пространств локального», ознакомление с которой, на наш взгляд, никого не оставит равнодушными.

Следует отметить, что высказанные в нашей рецензии замечания и поставленные вопросы являются продуктом индивидуального восприятия. И это — свидетельство еще одного неоспоримого преимущества рецензируемой монографии: она заставляет читателя погрузиться в проблематику настолько глубоко, что возникает персональная, личная заинтересованность, которая не может не порождать и личную позицию относительно представленного материала и выводов из него. Эта монография провоцирует читателя к собственному поиску, и даже если этот поиск будет ограничен осмыслением приведенных в монографии данных и результатов, это уже будет весьма значимым научным эффектом.

Получено 18.10.2021